
Елена Копс
Бархат и пепел
Искусство сдаваться
18+

Елена Копс

Искусство сдаваться
(Бархат и пепел)

«Автор»
2026

Копс Е.

Искусство сдаваться (Бархат и пепел) / Е. Копс — «Автор», 2026

Ева восемь лет держит себя в ежовых рукавицах и рулит закрытым клубом, где все завязано на правилах и выдержке. Любовь для нее – ловушка, в которой теряешь голову и почву под ногами, поэтому устав для нее святое.Марк пятнадцать лет тащит на себе все подряд: большое бюро, чужие промахи, долги семьи. Ему некогда выдыхать и ошибаться, но в закрытых комнатах клуба он впервые находит место, где за него решает кто-то другой. Когда правила летят к чертям, между ними вспыхивает связь, в которой откровенные, горячие сцены переплетаются с тревогой и настоящей близостью.А потом вокруг особняка начинают всплывать слитые данные, слежка и подставы прямо накануне важного проекта Марка в Цюрихе. И чтобы не потерять друг друга и то, что дорого, Еве придется впервые отпустить контроль и рискнуть по-настоящему.Вторая книга чувственной трилогии Бархат и пепел

© Копс Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стекло и бетон (Ева) 5
Глава 2. Несущая стена (Марк) 11
Глава 3. Собеседование (Ева) 16
Глава 4. Правило тишины (Марк) 22
Глава 5. Побочный эффект (Ева) 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Елена Копс
Искусство сдаваться (Бархат и пепел)

Глава 1. Стекло и бетон *(Ева)*

В семь утра в особняке на Пречистенке пахло холодным каменным полом, вчерашним воском и крепким черным кофе, который Демид сварил на служебной кухне полчаса назад и уже успел забыть на краю моего стола. За тяжелыми серыми портьерами в моем кабинете только начинало сереть ноябрьское утро, мутное и сырое, с той тяжелой московской облачностью, когда непонятно, то ли сейчас пойдет мокрый снег, то ли зарядит мелкий ледяной дождь.

Я сидела в кресле у окна, поджав под себя ноги в плотных домашних брюках, и в четвертый раз перекладывала на темном ореховом столе шесть глянцевых фотографий формата десять на пятнадцать. Никаких штампов фотолаборатории на обороте, никакой водяной маркировки, обычная плотная бумага, которую можно купить в любом канцелярском магазине пачкой по сто листов. Рядом лежал плотный кремовый конверт без адреса и марок, который ночной дежурный нашел в половине второго ночи в почтовом ящике у кованых ворот со стороны переулка.

– Курьера посмотрели по внешнему периметру? – спросила я, не поднимая глаз от снимков.

Демид стоял у книжного шкафа, прислонившись плечом к полке с архивными папками, и медленно крутил в пальцах остывшую керамическую кружку. Выглядел он не лучше меня: темная футболка помята, под глазами серые тени, щетина на скулах жесткая, двухдневная.

– Посмотрели, – ответил Демид глухим сонным голосом. – Обычный парень в желтой куртке доставки с термокоробом за спиной, шел пешком от метро «Кропоткинская», опустил конверт в щель и ушел в сторону Садового кольца. Лицо закрыто капюшоном и медицинской маской, в переулке камера взяла его только со спины, когда он уже сворачивал за угол. Я пробил биллинг по базовым станциям за этот интервал, там в радиусе трехсот метров висело сорок два активных аппарата, половина из них курьерские или таксистские симки, оформленные на левые паспорта.

Я взяла крайний левый снимок за уголок и повернула его к настольной лампе. Кадр был сделан с помощью длиннофокусного объектива, минимум двести или триста миллиметров, причем точка съемки находилась явно выше уровня улицы. На фотографии у нашей боковой калитки стоял заместитель министра строительства в кашемировом пальто с поднятым воротником, а рядом с ним – высокая блондинка в черной норковой накидке. Лица обоих читались настолько четко, что при желании можно было рассмотреть даже запонку на его манжете. Никакой вывески на фасаде особняка нет, формально это реставрационный фонд и частная резиденция, но любому человеку из московской деловой тусовки достаточно пары часов поиска, чтобы понять, куда именно заходят эти двое в час ночи в пятницу.

– Это не случайный папарацци, – сказала я, откладывая снимок обратно в ряд. – Снимали минимум три разных вечера, судя по погоде на асфальте и машинам у бордюра. Первый кадр сделан на прошлой неделе в четверг, когда шел снег с дождем, второй в субботу, третий вообще вчера вечером, потому что этот серый седан на заднем плане парковался у соседнего дома только один раз, я его запомнила по утреннему отчету Олега. Значит, конверт напечатали и отправили меньше чем через четыре часа после того, как закрылась ночная смена.

– И при этом ни записки, ни счета, ни номера криптокошелька, – заметил Демид, отходя от шкафа и наклоняясь над столом. – Просто шесть картинок для демонстрации возможностей.

Тот, кто это прислал, либо еще набивает цену и собирает папку потолще, либо ему вообще нужны не деньги.

От этой мысли по спине пробежал неприятный, липкий холодок. Деньги в нашей работе – самая понятная и предсказуемая валюта, с вымогателями, которым нужен перевод на анонимный счет, мы с Демидом сталкивались дважды за восемь лет существования клуба и оба раза закрывали вопрос за сорок восемь часов так, что у людей навсегда пропадало желание приближаться к Пречистенке ближе чем на два квартала. Гораздо хуже, когда кто-то собирает досье не ради разового выкупа, а под конкретный удар по репутации или по кому-то из наших постоянных гостей.

Я открыла на планшете схему уличного наблюдения и прикинула угол наклона камеры на снимках.

– Смотри на тень от кованого фонаря над калиткой, – я увеличила фрагмент пальцами. – Объектив смотрел сверху вниз примерно под углом в тридцать градусов. Дом напротив отпадает, там на верхних этажах глухая брандмауэрная стена без окон, а на первом и втором сидит нотариальная контора с решетками. Остается доходный дом наискосок, где сейчас идет капитальный ремонт фасада и стоят строительные леса под зеленой сеткой.

– Проверим сегодня же днем, – кивнул Демид, доставая из кармана джинсов телефон и делая короткую заметку. – Я отправлю туда двоих ребят из наружки под видом технадзора, пусть пройдут по ярусам и посмотрят, где в сетке прорезана дыра под объектив. Если там сидел человек с техникой, на настиле обязательно останутся следы от штатива или окурки.

– Хорошо. Но этого мало, Демид. Если у них есть кадры за вчерашний вечер, значит, наблюдение ведут не только с улицы. Подними все журналы допуска за последние три месяца, включая технических подрядчиков, поставщиков алкоголя, прачечную и тех рабочих, которые разбирали леса в верхнем зале. И переведи охрану в режим тихой тревоги.

Демид нахмурился и потер переносицу.

– Олег начнет просить усилить пост у ворот и поставить вторую машину в переулке.

– Никаких лишних машин и никаких охранников в черных куртках на тротуаре, – отрезала я, закрывая планшет. – Если наши гости увидят на входе нервную суету и усиленные патрули, через два дня по всей Москве пойдут слухи, что в «Бархате и Пепле» начались проблемы с силовиками или рейдерами. А слухи для нас страшнее любых фотографий. Пусть Олег изменит интервалы подачи машин к боковому входу, введет обязательную проверку переулка пешим обходом за десять минут до приезда каждого гостя из списка категории «А» и полностью закроет внутренний двор плотными экранами на время посадки и высадки. Внутри клуба все должно идти так, будто за стенами вообще ничего не происходит.

– Принято, – коротко ответил Демид и наконец взял со стола свою остывшую кружку. – Ты сама-то спала сегодня? У тебя вид такой, будто ты сейчас начнешь людей взглядом резать.

– Спала три часа, этого вполне достаточно. Константин уже в курсе.

– Я скинул ему сканы в закрытый чат полчаса назад. Он звонил, пока ты была в душевой, сказал, что приедет в особняк вечером после семи, а днем ждет тебя у себя в холдинге в половине первого, как вы и договаривались вчера.

Я взглянула на настенные часы над камином. Половина девятого. До встречи в Москва-Сити оставалось четыре часа, за которые нужно было проинструктировать начальника смены, просмотреть две анкеты новых кандидатов на пятничное собеседование и привести себя в такой вид, чтобы ни один топ-менеджер девелоперского холдинга не догадался, что всю ночь я занималась контрразведкой в закрытом секс-клубе.

Константин попросил меня подключиться к этому проекту три дня назад, когда мы пили чай в библиотеке после закрытия смены. Его строительный холдинг выкупил старинную усадьбу в тихом переулке недалеко от Остоженки и запускал реконструкцию заброшенного двухэтажного флигеля под закрытый клубный арт-отель на двенадцать сьютов. Формат пред-

полагался предельно камерный: закрытые аукционы для частных коллекционеров, закрытые ужины, временное размещение людей, которым важнее всего не светиться в обычных пятизвездочных гостиницах. По сути, та же философия абсолютной приватности, на которой мы восемь лет строили «Бархат и Пепел», только без кожаных манжет и красного бархата. И Константин, прекрасно зная, как у меня устроена голова, попросил посмотреть рабочую документацию на этапе согласования планировок, пока строители не залили бетон и не возвели перегородки.

В одиннадцать утра я уже сидела на заднем сиденье такси, которое медленно ползло по набережной в сторону стеклянных башен Сити. На мне был темно-графитовый брючный костюм из плотной шерсти, молочная шелковая блуза с глухим воротником-стойкой и кожаные ботильоны на невысоком устойчивом каблуке. Волосы я убрала в гладкий, тугой узел на затылке, оставив из украшений только тонкие платиновые серьги-гвоздики и старые швейцарские часы на кожаном ремешке. Ничего лишнего, никакой демонстративной женственности, которая в мужских строительных кабинетах обычно вызывает либо снисходительные улыбки, либо глупые попытки поухаживать.

Всю дорогу я листала на планшете архитектурный том, присланный накануне секретарем Константина. Автором концепции и главным архитектором проекта значился Марк Верещагин. Фамилию я, конечно, слышала: его бюро за последние пять лет забрало почти все крупные премии за работу с исторической застройкой в центре Москвы, а сам он славился тем, что мог прямо на стройплощадке послать к черту любого заказчика, если тот пытался удешевить фасад или заменить натуральный камень на композитные панели.

Чем внимательнее я вглядывалась в поэтажные планы флигеля, тем сильнее у меня сжимались челюсти. Красиво на картинке – спору нет. Верещагин раскрыл внутренний дворик, заменил глухую кирпичную стену первого этажа панорамным остеклением в пол, спроектировал легкую винтовую лестницу из темного металла, ведущую прямо на эксплуатируемую кровлю, и объединил служебную галерею с гостевым коридором ради «чистоты циркуляции воздуха и света». Вот только для объекта, где будут останавливаться люди с охраной и храниться картины стоимостью в несколько миллионов евро, эта воздушная геометрия превращалась в решето. Сквозной прострел с соседней крыши через панорамные окна, прямой доступ персонала в зону сьютов без буферного шлюза и декоративные кованые балконы второго этажа, по которым любой тренированный человек заберется с улицы за пятнадцать секунд.

В переговорную на сорок втором этаже башни «Федерация» я зашла ровно в двенадцать двадцать восемь. За длинным столом из светлого дуба уже сидели четверо: сам Константин в темно-синем пиджаке без галстука, его руководитель проекта Павел, парень лет тридцати в очках с ноутбуком и человек, которого можно было узнать даже без представления.

Марк Верещагин сидел во главе противоположного торца стола, слегка откинувшись на спинку кожаного кресла, и крутил в пальцах толстый черный маркер. Крупный, подтянутый, с широкими плечами, которые не скрывала даже простая белая сорочка с рукавами, небрежно закатанными до середины предплечий. Темные волосы, тронутые заметной проседью на висках, жесткая линия скул и тяжелый, цепкий взгляд серых глаз, в котором сразу читалась привычка оценивать все вокруг на прочность и несущую способность. Под глазами у него залегли такие же темные тени, как у меня после бессонной ночи, но сидел он с расслабленной, почти хищной уверенностью человека, который привык, что последнее слово в любой комнате всегда остается за ним.

– Ева, проходи, – Константин поднялся мне навстречу, коротко пожал руку и кивнул в сторону свободного кресла по правую руку от себя. – Знакомьтесь, коллеги. Ева Соболева, независимый консультант по безопасности и операционному управлению закрытыми объектами. Я попросил ее сделать аудит нашей рабочей документации по флигелю до того, как мы

выйдем на площадку с демонтажем. А это Марк Верещагин, главный архитектор проекта, и его ведущий инженер Никита.

Верещагин даже не привстал. Он просто смерил меня быстрым, ленивым взглядом с головы до ног – от гладкого узла волос до строгих лацканов графитового пиджака – и чуть приподнял бровь, словно ему в кабинет привели очередного корпоративного юриста, который сейчас начнет требовать поменять ширину дверных проемов ради соответствия инструкциям двадцатилетней давности.

– Рад знакомству, Ева, – произнес он низким, чуть хрипловатым голосом, в котором вежливости было ровно на три копейки. – Правда, честно говоря, не совсем понимаю, зачем нам на стадии согласования конструктива еще один консультант. Служба безопасности холдинга уже смотрела альбом две недели назад, мы учли их требования по периметру и серверной.

– Служба безопасности холдинга привыкла охранять бизнес-центры класса «А» и склады с бетоном, – спокойно ответила я, доставая из кожаной папки распечатанные листы с красными пометками и кладя их перед собой. – Там задача простая: поставить турникет на входе и посадить охранника у шлагбаума. Здесь у нас закрытый арт-отель на двенадцать сьютов, куда люди приезжают именно за тем, чтобы никто не знал об их визите. И если мы оставим проект в том виде, в каком он лежит сейчас на столе, никакой приватности там не будет с первого дня работы.

Марк медленно положил черный маркер на чертеж и подался вперед, опираясь локтями о столешницу. Взгляд его серых глаз сразу стал холодным и внимательным.

– Любопытно. И что же именно не устраивает специалиста по приватности в нашей планировке?

– Семь пунктов, – я пододвинула ему первый лист. – Начнем с главного фасада внутреннего двора. Вы убираете историческую кирпичную кладку первого этажа и ставите сплошное панорамное остекление высотой четыре с половиной метра. В вечернее время при включенном внутреннем освещении весь холл и нижняя галерея просматриваются насквозь из окон соседнего шестиэтажного дома в переулке. Если мы ставим туда плотные блэкаут-шторы, смысл вашего панорамного остекления исчезает. Если не ставим – любой человек с телефоном из соседнего подъезда снимает всех гостей закрытого ужина.

– Для этого существует архитектурное тонирование с переменной прозрачностью и ландшафтная буферная зона из высоких туй по границе двора, – отрезал Марк, даже не глядя в мой лист. – Мы закладывали этот флигель как пространство света и воздуха, зажатое внутри плотной городской застройки. Если я зашью первый этаж глухим кирпичом или оклею стекла зеркальной пленкой, усадьба превратится в филиал следственного изолятора.

– Электрохромное стекло на площади в девяносто квадратных метров при перепадах зимних температур в Москве дает задержку переключения до сорока секунд и требует массивных силовых кабель-каналов в исторических перемычках, которые вам не согласует департамент культурного наследия, – ровно возразила я, глядя ему прямо в глаза. – А туи в кадках в нашем климате к февралю превращаются в рыжие веники и закрывают ровно нижние два метра. Остальные два с половиной остаются открытыми.

В переговорной повисла короткая, плотная тишина. Павел, руководитель проекта, замер с ручкой над блокнотом, а инженер Никита покосился на своего шефа с таким видом, словно ожидал взрыва. Я краем глаза заметила, как Константин едва заметно усмехнулся, откинувшись на спинку кресла и явно решив не вмешиваться в нашу дуэль раньше времени.

Марк пару секунд смотрел на меня молча, словно впервые увидел не просто женщину в дорогом костюме, а человека, который действительно открывал техническую спецификацию дальше титульного листа. Но уступать он явно не привык никому и никогда.

– Допустим, с остеклением можно поиграть за счет многослойного триплекса с микроперфорацией и выноса деревянных ставней по историческим аналогам, – процедил он, подтягивая к себе мой второй лист. – Что дальше?

– Дальше третий и четвертый пункты, – я перевернула страницу на своем экземпляре. – У вас служебный лифт для персонала и доставки багажа выходит в один общий вестибюль с гостевым лифтом из подземного паркинга. Между ними три метра. Это значит, что горничная с тележкой, курьер из кейтеринга или техник по кондиционерам гарантированно сталкиваются лицом к лицу с гостем, который специально заехал через закрытый гараж, чтобы избежать лишних глаз. Плюс открытая металлическая лестница во дворе соединяет террасу первого этажа с балконами трех верхних сьютов. Любой посторонний, перелезший через невысокую усадебную ограду, оказывается прямо под окнами спален.

Марк резко отодвинул листы от себя, так что бумага с сухим шорохом проскользила по дубовой столешнице. На его скулах заходили желваки, а в голосе впервые прорезалось открытое, жесткое раздражение человека, у которого отнимают время на пустые фантазии.

– Послушайте, Ева, – сказал он, чеканя каждое слово и глядя на меня в упор. – Я пятнадцать лет строю здания, а не бункеры на случай ядерной войны. Ограда усадьбы – памятник архитектуры девятнадцатого века, мы не имеем права наращивать ее колючей проволокой или поднимать на три метра. А убирать единственную консольную лестницу, которая держит всю пластику внутреннего двора, только потому, что вам мерещатся акробаты на балконах – это не безопасность. Это чистая паранойя дилетанта, который пытается перестраховаться за чужой счет и убить живую архитектуру.

Никита замер, глядя в свой ноутбук так, будто хотел провалиться сквозь экран. Павел нервно кашлянул. Я же не шелохнулась, даже не отвела взгляд от его серых, злых от недосыпа глаз. За годы в «Бархате и Пепле» я слышала в свой адрес куда более жесткие вещи от людей, у которых власти и денег было побольше, чем у главного архитектора пусть даже самого модного бюро в городе.

– Называть чужую работу паранойей проще всего, Марк, когда вы не несете ответственности за последствия после сдачи объекта в эксплуатацию, – ответила я тем же ровным, ледяным тоном, не повышая голоса ни на полтона. – Вы сдадите флигель, получите свою премию, снимете красивые кадры для архитектурного журнала и уедете на следующий объект. А через полгода, когда через эту вашу «живую пластику» залезет обычный вор или фотограф заснимет в общем холле человека, который платил за абсолютную тишину, закрывать скандал и выплачивать неустойки придется Константину, а не вашему бюро.

– Мое бюро отвечает за каждый миллиметр своих чертежей, – глухо бросил Марк, подавшись через стол так близко, что я уловила слабый, терпкий запах его парфюма, смешанный с запахом крепкого табака и свежей типографской краски. – И за пятнадцать лет практики на моих объектах не было ни одного провала ни по конструктиву, ни по эксплуатации.

– Правда? – я медленно перевернула последний лист в своей папке и развернула его к нему. – Тогда объясните мне, пожалуйста, как при вашей безупречной проверке в разделе пожарной безопасности и акустики между четвертым и пятым сьютами на втором этаже оказалась сквозная вентиляционная шахта без шумоглушителей и противопожарных клапанов? Если в четвертом номере люди начнут разговаривать чуть громче шепота, в пятом будет слышно каждое слово. Для закрытого арт-отеля, где обсуждают сделки на миллионы, это называется не архитектурой, а браком в рабочей документации.

В комнате стало так тихо, что было слышно, как за панорамным окном башни гудит зимний ветер.

Марк замер. Он опустил взгляд на выделенный красным маркером узел на чертеже, потом резко перевел глаза на Никиту. Инженер побледнел так, что веснушки на носу стали похожи на чернильные пятна, и мгновенно уткнулся в схему на мониторе.

– Никита, – тихо, почти шепотом спросил Марк, и от этого тихого тона у меня самой по коже пробежал холодок, – кто проверял раздел ОВиК перед отправкой заказчику в пятницу вечером?

– Я... я отдавал стажеру свести сводный план, Марк Львович, мы в ту ночь сдавали расчеты по Цюриху и не успели перепроверить трассировку на втором этаже, – пробормотал парень, сжимая пальцами край стола.

Марк закрыл глаза на две секунды, медленно выдохнул через нос и снова посмотрел на меня. Злость в его взгляде никуда не исчезла, но теперь к ней примешалось что-то другое – тяжелое, острое, оценивающее. Так смотрят на противника, который вместо ожидаемого тычка в плечо вдруг нанес точный, выверенный удар прямо под ребра, не нарушив при этом ни одного правила спарринга.

– Шахту исправим сегодня же до шести вечера, – сухо сказал он, обращаясь уже к Константину, но не сводя глаз с меня. – Видимо, некоторым в моей команде пора напомнить, что работа заканчивается не тогда, когда закрывается дверь офиса, а когда проверен каждый стык. Что касается остекления и лестницы, Ева... в четверг в одиннадцать утра я буду на самом объекте в переулке. Приезжайте. Покажете мне на месте, где именно вы видите уязвимости, а я покажу вам, почему кирпич девятнадцатого века нельзя трогать отбойным молотком. Там и решим, кто из нас дилетант.

– В четверг в одиннадцать буду на месте, – кивнула я, спокойно убирая бумаги обратно в кожаную папку и застегивая молнию. – Приятного дня, коллеги.

Я встала, попрощалась с Константином и вышла из переговорной первой, чувствуя спиной тяжелый, немигающий взгляд Верещагина до самой секунды, пока за мной не закрылась стеклянная дверь. Только в лифте, когда кабина бесшумно пошла вниз с сорок второго этажа, я позволила себе выдохнуть и с удивлением поймала себя на том, что сердце бьется чуть быстрее обычного, а бессонная ночь вдруг перестала ощущаться тяжелой ватой в голове.

Глава 2. Несущая стена *(Марк)*

К шести вечера в нашем лофте на Курской воздух становился таким густым и тяжелым, словно его можно было резать макетным ножом. Большие заводские окна с черными металлическими переплетами выходили во внутренний двор бывшей фабрики, и за стеклом уже давно стемнело, но внутри горели все трековые светильники, гудели три плоттера в дальнем углу и негромко спорили над распечатками двое ведущих конструкторов.

Я стоял у длинного стола из выбеленного дуба, на котором лежал пенокартонный макет выставочного павильона для Цюриха в масштабе один к пятидесяти, и смотрел на узел крепления консольной кровли. До закрытой защиты международного тендера в Швейцарии оставался ровно двадцать один день. Три недели, за которые мы должны были не просто довести до идеальной точности конструктивные расчеты, но и увязать смету, логистику доставки клеенного бруса и инженерные сети так, чтобы швейцарская комиссия не нашла ни одной зацепки, за которую можно было бы срезать баллы.

В голове стоял тонкий, непрерывный звон. Последние две недели я спал в лучшем случае по четыре часа в сутки, просыпаясь в три или четыре утра от собственной мысли о том, что где-то в расчете ветровой нагрузки могла закрасться ошибка на два миллиметра. Снотворное я не пил принципиально: после него утром голова становилась ватной, а позволить себе роскошь соображать вполсилы я не мог. В бюро работали двадцать восемь человек, у половины из них ипотеки, семьи и дети, и единственным человеком, который отвечал за то, чтобы через полгода у нас были контракты и деньги на зарплаты, оставался я.

– Марк Львович, я пересчитал трассировку вентиляции по флигелю для холдинга Константина и уже отправил обновленный альбом их руководителю проекта, – тихо произнес Никита, подходя к столу с распечатанным листом в руках. Вид у него был побитый, словно он весь день разгружал вагоны, а не сидел за компьютером. – Шумоглушители поставили на входе в каждый сьют, противопожарные клапаны добавили, с конструктивом перекрытий все бьется. Простите еще раз за этот косяк со стажером, я сам виноват, что не перепроверил перед отправкой.

Я взял лист, за три секунды пробежал глазами по схемам и кивнул.

– Забыли. Но если еще раз отправишь заказчику сырой чертеж, проверенный кем-то, кроме тебя лично, пойдешь работать на типовые панельки в область. Иди домой, Никита, сегодня ты здесь больше не нужен.

Парень облегченно выдохнул, забрал со своего стола рюкзак и через пять минут тихо прикрыл за собой входную дверь. Постепенно к половине девятого офис опустел: ушли конструкторы, выключила монитор секретарь, стихли плоттеры. Я остался один в огромном зале площадью триста квадратных метров, налил себе в стакан воды из кулера и подошел к панорамному окну, глядя на мокрый асфальт внизу.

Из головы никак не выходила сегодняшняя встреча в башне Сити. Точнее, женщина в графитовом костюме, которая сидела напротив меня с прямой спиной, сложенными на папке длинными пальцами и абсолютно непроницаемым лицом.

Ева Соболева. За пятнадцать лет работы я насмотрелся на самых разных людей со стороны заказчиков: истеричных инвесторов, туповатых начальников служб безопасности в пиджаках на два размера больше, капризных жен олигархов, которые требовали перекрасить мрамор в цвет их пуделя. Все они либо начинали орать, когда им возражали, либо тут же сдувались, стоило задавить их строительными нормативами и расчетами нагрузок. Эта не сделала ни того, ни другого. Когда я назвал ее правки паранойей дилетанта, у нее даже ресницы не дрогнули. Она просто посмотрела на меня своими темными, почти черными глазами так,

словно я был шумным, невыспавшимся студентом на пересдаче, и спокойно ткнула меня носом в реальную дыру в нашем собственном проекте.

В этом ледяном спокойствии и ясном, жестком уме было что-то такое, от чего внутри против воли дернулась давно забытая струна. Не раздражение, хотя днем я был готов разнести ее в пух и прах за попытку замуровать мой внутренний двор, а какой-то острый, злой азарт. Впервые за долгое время рядом оказался человек, который не просил у меня защиты, не жаловался, не ждал, что я все решу за него, и не боялся смотреть мне прямо в глаза.

Резкий звонок мобильного на столе заставил меня поморщиться. На экране высветилось «Мама». Я выдохнул, провел ладонью по лицу, стирая усталость, и нажал кнопку ответа.

– Привет, мам. Как ты себя чувствуешь?

– Да какое там хорошо, Марк, – голос Ирины Викторовны сразу потек в трубку с привычной тягучей обидой, от которой у меня мгновенно заныло в затылке. – С утра давление скачет, погода эта мерзкая, кости крутит, а тут еще Катя приехала в слезах. Поругалась со своим молодым человеком, собрала чемоданы и заявила, что больше в ту квартиру ни ногой. Сидит сейчас у меня на кухне, ревет и говорит, что ей нужна собственная студия в центре, чтобы работать спокойно, без этих вечных скандалов.

Я прислонился лбом к прохладному стеклу окна и закрыл глаза. Сестре двадцать три года. Два года назад я оплатил ей учебу на дизайнера в Лондоне, откуда она вернулась через восемь месяцев, заявив, что там «слишком пасмурно и скучно», потом помог открыть небольшую фотостудию, которая через полгода закрылась с убытками, а теперь она снова решила начать жизнь с чистого листа за мой счет.

– Мам, я же говорил ей месяц назад, что сейчас у бюро все свободные деньги заморожены под швейцарский тендер и закупку материалов для двух объектов, – стараясь говорить как можно спокойнее, ответил я. – Покупать сейчас квартиру в центре просто не на что. Если она ушла от Артема, пусть снимет нормальную квартиру на Чистых прудах или на Маяковской, я переведу ей деньги на аренду и залог за три месяца вперед.

– Ну конечно, у тебя всегда на первом месте твои чертежи и чужие стройки, – вздохнула мать. – А родная сестра пусть по съемным углам мыкается. Папа бы никогда не позволил, чтобы его дочь жила на птичьих правах, он бы последнюю рубашку снял ради семьи. Ты совсем черствый стал, Марк, только работа и деньги на уме.

При упоминании отца в груди глухо кольнуло. Когда двенадцать лет назад отец разбился на трассе под Звенигородом, мне было двадцать четыре года. И никакой «последней рубашки» для семьи у него не оказалось: вместо этого мне достались три миллиона долларов просроченных кредитов бюро, заложенная квартира матери, четыре незаконченных объекта с судебными исками от заказчиков и четкое понимание, что если я сейчас сломаюсь или опущу руки, мы все окажемся на улице. Пять лет я спал на раскладушке в старом офисе на Бауманской, сам ездил на технадзор в шесть утра, сам торговался с поставщиками бетона и вытащил фирму из ямы. С тех пор я стал той самой несущей стеной, на которую все в семье привыкли опираться, не задумываясь, сколько тонн висит у нее на плечах.

– Я переведу Кате деньги завтра утром, пусть выбирает квартиру, – ровно сказал я, не ввязываясь в спор. – А в воскресенье вечером заеду к вам поужинать, заодно привезу лекарства, которые просил кардиолог. Ложись отдыхать, мам, мне еще нужно заехать на встречу.

Положив трубку, я пару минут просто стоял в тишине пустого офиса, глядя на свое отражение в темном окне. Выглядел я паршиво: осунувшееся лицо, застывшие желваки на скулах, плечи напряжены так, словно я весь день держал на себе бетонную плиту. Если я не высплюсь хотя бы одну ночь в ближайшие пару дней, к защите в Цюрихе меня придется везти на каталке.

В десять вечера я припарковал машину в узком переулке недалеко от Патриарших прудов и зашел в небольшой закрытый мясной ресторан на первом этаже старого кирпичного дома.

Глеб Соколов уже сидел в дальнем углу за массивным деревянным столом у кирпичной стены, отгороженным от основного зала тяжелой портьерой.

С Глебом мы знали друг друга со студенческих лет, еще с архитектурного института, хотя он после третьего курса ушел в логистику и за десять лет построил одну из крупнейших транспортных компаний в стране. Мы строили для него три логистических терминала и загородный дом на Истре, но главное – Глеб был единственным человеком в Москве, перед которым мне не нужно было изображать непотопляемый танк.

Он поднялся, крепко пожал мне руку, посмотрел в лицо и тут же покачал головой, не дожидаясь приветствий.

– М-да, Верещагин. Выглядишь ты так, будто тебя неделю переезжал асфальтоукладчик, а потом поставили сушиться на сквозняке. Я тебе даже кофе заказывать не стал, попросил принести минералку без газа и нормальный кусок говядины с кровью. Садись, а то сейчас рухнешь прямо на ковер.

– Спасибо, доктор, – усмехнулся я, падая на кожаный диван и наконец расстегивая верхнюю пуговицу сорочки. – Нормально все. Через три недели сдадим Цюрих, выиграем тендер, и я улечу куда-нибудь к морю на десять дней. Отключу телефон и буду лежать пластом.

– Не дотянешь ты до своего моря в таком темпе, – спокойно возразил Глеб, разливая по стаканам воду из стеклянной бутылки. – Я на тебя смотрю еще с осени: у тебя же плечи к ушам прилипли, ты сидишь и даже здесь сканируешь, ровно ли висит светильник над барной стойкой. Сколько ты сегодня спал?

– Часа четыре. Проснулся в половине пятого, начал проверять узлы по швейцарскому павильону, потом поехал в Сити к Константину на совещание. Там еще одна умница нашлась, решила, что наш реставрационный проект слишком открытый, и предложила зашить исторический фасад чуть ли не бронелистами.

Глеб хмыкнул и откинулся на спинку кресла, внимательно разглядывая меня поверх бокала с красным вином.

– И кто это осмелился спорить с великим и ужасным Марком Верещагиным? Неужели кто-то не испугался твоего фирменного взгляда?

– Консультант со стороны холдинга. Ева Соболева, – имя само всплыло в памяти раньше, чем я успел подумать. – Холодная как лезвие, ни одной лишней эмоции, говорит тихо, но так, что хочется либо придушить ее на месте, либо сесть и перепроверить все чертежи заново. Кстати, одну реальную дыру в вентиляции она у нас действительно нашла, за что Никита сегодня чуть не лишился премии.

Глеб прищурился, в его карих глазах мелькнуло странное, понимающее выражение, которое он тут же спрятал за глотком вина.

– Ева Соболева, говоришь? Мир тесен, Марк.

– Ты ее знаешь? – я поднял бровь, всматриваясь в лицо друга.

– Скажем так, мы пересекались по одному закрытому проекту, – уклончиво ответил Глеб и, дождавшись, пока официант поставит на стол тарелки с горячими стейками и отойдет за портьеру, положил вилку на край тарелки. – Слушай меня внимательно, старик, без твоих обычных отмазок про то, что у тебя нет времени и ты сам со всем справишься. Я вижу, что тебя накрывает глухой перегруз. У тебя мозг не выключается ни днем, ни ночью, потому что ты двадцать четыре часа в сутки тащишь на себе бюро, мать, сестру, подрядчиков и еще половину Москвы в придачу. Обычный массаж или баня тебе не помогут, ты там будешь лежать и в уме пересчитывать смету.

– И что ты предлагаешь? Записаться к психотерапевту? – без особого энтузиазма спросил я, отрезая кусок мяса. – У меня нет лишних двух часов в неделю, чтобы рассказывать незнакомому человеку о своем трудном детстве.

– Никаких психотерапевтов, – Глеб полез во внутренний карман темно-серого пиджака и достал оттуда небольшой плотный конверт из черного матового картона. Он положил его на стол ровно посередине между нашими тарелками. – В Москве есть одно закрытое место на Пречистенке. Называется «Бархат и Пепел». Без вывесок, без рекламы в интернете, без случайных людей с улицы. Туда нельзя попасть ни за какие деньги, если за тебя не поручился действующий резидент клуба и если ты не прошел личное собеседование.

Я посмотрел на черный конверт, потом перевел скептический взгляд на Глеба.

– Глеб, если это очередной закрытый покерный клуб или бордель для скучающих чиновников, то мимо. Мне сейчас только скандала с желтой прессой перед защитой международного контракта не хватало.

– Если бы там хоть раз за восемь лет случилась утечка или скандал, меня бы там ноги не было, у меня репутация стоит дороже, чем вся твоя архитектурная фирма целиком, – жестко, без привычной улыбки отрезал Глеб. – Там не покер и не бордель. Это закрытый клуб эстетических и сенсорных практик для взрослых людей, у которых в обычной жизни слишком много власти, денег и ответственности. Там действуют железные правила анонимности: на входе сдаешь телефон, внутри никто не называет фамилий и должностей, а главное – там с тебя полностью снимают право принимать решения.

Я замер с вилкой в руке, глядя на друга. Слова Глеба упали в тишину между нами неожиданно тяжело и точно, словно он попал в ту самую точку в затылке, которая ныла у меня последние три месяца.

– В каком смысле – снимают право принимать решения?

– В самом прямом, – Глеб подался вперед, положив локти на стол. – Ты привык, что от каждого твоего слова зависит, рухнет крыша или нет, получат люди зарплату или нет. Твоя нервная система просто разучилась выключать этот тумблер. А там работают профессиональные мастера и ведущие. Ты заранее обговариваешь свои границы и стоп-слово, подписываешь договор о неразглашении, а потом на два часа отдаешь штурвал другому человеку. Тебе говорят, как дышать, как сидеть, куда смотреть, тебе могут завязать глаза шелковой лентой, чтобы отключить зрительный контроль, и через тактильные, жесткие или мягкие практики полностью выбить из головы всю твою дневную шелуху. Я сам туда хожу раз в месяц последние два года, Марк. И это единственное место в городе, после которого я сплю как убитый десять часов подряд и просыпаюсь с чистой головой.

Я молча смотрел на черный конверт. Внутри все привычно напряглось от самой идеи кому-то подчиняться или позволить незнакомому человеку устанавливать для меня правила. Всю взрослую жизнь я строил на том, что никому не доверял руль, потому что стоило хоть раз отпустить руки – и все начинало лететь под откос. Но одновременно где-то глубоко под ребрами шевельнулось странное, почти пугающее любопытство, от которого по коже прошел легкий ток.

– И кто же там проводит эти собеседования? – спросил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и отстраненно.

Глеб усмехнулся, подтолкнув конверт ближе к моей тарелке.

– Вот сходишь в пятницу вечером и сам увидишь. Я уже предупредил управляющую, что передал тебе карту-рекомендацию. Просто позвони по номеру внутри завтра днем и запишись на первичный прием. Не понравится – развернешься и уйдешь, тебя там никто за рукав держать не будет. Но поверь мне, старик: тебе нужно место, где хоть на два часа за тебя все решат другие.

Мы просидели в ресторане еще около часа, обсуждая сроки поставки металла для его нового склада под Подольском, а когда вышли на улицу, с неба снова сыпала мелкая, холодная водяная пыль. Я пожал Глебу руку, сел за руль своего внедорожника и поехал в сторону

Патриарших прудов, положив черный картонный конверт на пассажирское сиденье рядом с рабочей папкой.

Дома, в огромной тихой квартире с высокими потолками и почти пустыми белыми стенами, где я так и не собрался повесить ни одной картины за три года после переезда, снова навалилась привычная гулкая тишина. Я принял горячий душ, выпил стакан воды и лег в кровать в половине первого ночи, выключив свет.

Сон не шел. Стоило закрыть глаза, как перед внутренним взором снова возникали узлы крепления цюрихского павильона, цифры сметы, голос матери в телефонной трубке и внезапно – темные, спокойные глаза женщины в графитовом костюме, которая сегодня днем в переговорной не отступила ни на миллиметр под моим натиском.

В два часа ночи я раздраженно откинул одеяло, включил настольную лампу, взял с тумбочки черный матовый конверт и вскрыл его. Внутри лежала тяжелая пластиковая карта без имени, с выбитым серебром шестизначным номером и коротким московским телефоном на обороте. Я провел большим пальцем по шероховатому краю карты, посмотрел на часы и твердо решил, что завтра в обед обязательно наберу этот номер.

Глава 3. Собеседование *(Ева)*

В половине одиннадцатого вечера в пятницу в моем кабинете на втором этаже особняка на Пречистенке стояла плотная, почти осязаемая тишина, нарушаемая только негромким, размеренным тиканьем старых напольных часов в углу у книжного шкафа и глухим стуком мокрого снега о стекла высоких арочных окон. Тяжелые серые портьеры были сдвинуты наглухо, отсекая промозглую столичную ночь с ее слякотью и ледяным ветром, а внутри пахло сухим деревом, натуральным пчелиным воском, крепким черным чаем и чуть горьковатым дымом от погашенного час назад камина.

Я сидела за большим столом из темного мореного ореха, положив перед собой тонкую картонную папку со сводкой службы безопасности, которую Демид принес двадцать минут назад перед тем, как спуститься в основной зал. Внизу уже начиналась обычная пятничная ночь: сквозь толстые дубовые перекрытия едва уловимо доносился низкий, ровный гул инструментальной музыки, где-то в глубине первого этажа мягко звякало стекло за барной стойкой, а ночная смена охраны занимала свои точки во внутреннем дворе и у бокового входа со стороны переулка. Для гостей «Бархата и Пепла» этот вечер ничем не отличался от десятков других, когда за коваными воротами оставались должности, фамилии, деловые переговоры и привычка держать оборону. Для меня же последние двое суток превратились в непрерывную проверку каждого шва нашей системы защиты.

Наши люди, которых Демид днем отправил под видом инспекторов городского технического надзора на строительные леса доходного дома наискосок от особняка, вернулись за час до открытия клуба. Моя догадка подтвердилась с пугающей точностью. На четвертом ярусе, как раз напротив нашей боковой калитки, кто-то аккуратно разрезал плотную зеленую защитную сетку острым канцелярским ножом, отогнул край и закрепил его проволокой так, чтобы с улицы прорезь оставалась совершенно незаметной. На сырых деревянных досках настила остались три четких круглых отпечатка от резиновых ножек тяжелого фотоштатива, пара раздавленных окурков без фильтра и след от термоса. Работал профессионал, без суеты и лишних свидетелей, а уходил он через проходной двор на соседнюю улицу, где обзор муниципальной камеры как раз перекрывал припаркованный на разгрузку грузовой фургон.

Еще больше мне не нравилась вторая часть отчета Демида. Подняв журналы допуска всех технических подрядчиков за последние три месяца, он обнаружил, что когда строители заканчивали монтаж акустических панелей в верхнем зале и меняли силовую разводку в серверной, на объекте четыре дня работал электрик из проверенной субподрядной организации. Ровно три недели назад этот человек уволился по собственному желанию, сменил сим-карту и закрыл счет в банке, куда ему переводили зарплату. Прямых доказательств того, что именно он передал кому-то график работы особняка или маршруты подъезда гостей, у нас пока не было, но в моей работе случайных совпадений не бывает. Когда кто-то снаружи пытается пробить стены закрытого дома, единственное, что удерживает репутацию клуба и спокойствие наших резидентов, – это безукоризненное соблюдение внутреннего устава без единого исключения.

Я закрыла папку со сводкой безопасности, убрала ее в верхний ящик стола, повернула ключ в замке и пододвинула к себе плотный черный конверт с анкетой последнего на сегодня кандидата на вступление в клуб. По пятницам я всегда проводила личные интервью с новичками до полуночи, пока основной поток гостей еще только собирался в баре и атмосфера в особняке оставалась камерной.

За все годы работы в «Бархате и Пепле» я довела процедуру отбора до автоматизма. Анкета претендента всегда состояла из двух отдельных частей. На верхнем листе, который я просматривала заранее, указывались только шифр поручителя, отметка службы безопасности Демида о прохождении первичной проверки и заключение врача об отсутствии медицинских

противопоказаний. Настоящее имя, фамилия, род занятий и фотография кандидата запечатывались во внутренний конверт с восковой печатью, который я принципиально не вскрывала до самой минуты встречи. Я давно убедилась, что громкая фамилия из списка делового журнала или кресло в совете директоров крупного банка только мешают смотреть на человека трезво: когда ты заранее знаешь, сколько миллиардов стоит человек напротив, мозг невольно начинает подстраиваться под его статус, а в закрытых комнатах статус не имеет никакого значения. Гораздо важнее увидеть, как человек держит спину, куда прячет взгляд, как реагирует на тишину и что происходит с его голосом, когда с него снимают привычную социальную маску.

Я пробежала глазами верхний бланк. Поручителем значился резидент под кодом Г-047 – Глеб Соколов, владелец крупной транспортной компании, который приходил к нам раз в месяц уже два года, никогда не нарушал ни единого правила, не торговался из-за стоимости закрытых сессий и отличался редкой даже для нашего круга выдержкой. Если Соколов ручался за человека собственной клубной картой, зная, что за малейший промах новичка он сам навсегда потеряет доступ в особняк, значит, кандидат как минимум вменяем, умеет держать язык за зубами и понимает цену приватности. Отметка Демида тоже горела зеленым: судимостей нет, связей с силовыми структурами или желтой прессой не выявлено, финансовая состоятельность подтверждена с большим запасом, психологический профиль стабильный.

На напольных часах стрелки сошлись на одиннадцати. В ту же секунду на краю стола мягко мигнул зеленый индикатор внутреннего селектора, и в тяжелую дубовую дверь дважды негромко постучали.

– Войдите, – произнесла я ровным, спокойным голосом, положив ладони на край стола и машинально расправив складки строгого темно-графитового шелкового платья с закрытым воротом и длинными рукавами.

Дверь бесшумно отворилась. На пороге появился Олег, старший смены охраны, отступил на шаг в сторону, пропуская гостя вперед, и сразу же прикрыл за ним створку снаружи, оставив нас вдвоем.

Мужчина сделал два уверенных шага в глубь кабинета, расстегивая верхнюю пуговицу темного кашемирового пальто с влажными от мокрого снега плечами, поднял взгляд от ворсистого серого ковра к моему столу и замер так резко, словно наткнулся на невидимую стеклянную перегородку.

Я замерла точно так же. Мои пальцы, уже коснувшиеся края внутреннего черного конверта с анкетой, словно примерзли к плотной бумаге.

Передо мной в пяти шагах стоял Марк Верещагин.

Несколько долгих секунд в кабинете было слышно только, как мерно тикают механические часы в углу и глухо шуршит ледяная крупа за закрытыми шторами. Вчера утром, в четверг ровно в одиннадцать, мы с ним почти три часа провели в промерзшем, наполовину разобранном усадебном флигеле в тихом переулке возле Остоженки. Мы спорили там до хрипоты над каждым дверным проемом и каждым узлом перекрытий: я требовала полностью отсечь служебную лестницу от гостевого крыла глухой капитальной перегородкой и убрать открытую металлическую галерею со стороны соседнего двора, а он разворачивал прямо на пыльном строительном верстаке синьки девятнадцатого века и жестко, без малейшей скидки на вежливость доказывал, что врезка дополнительного бетонного шлюза в сводчатый подвал разрушит исторический фундамент и убьет всю архитектуру здания. Мы расстались вчера на ледяном сквозняке во внутреннем дворе в состоянии холодного, натянутого до предела перемирия, когда ни один из нас не уступил ни сантиметра, но оба вынужденно признали профессиональную хватку противника.

И вот теперь этот самый человек стоял посреди моего закрытого кабинета в «Бархате и Пепле» с картой-рекомендацией Глеба Соколова.

Первой моей реакцией была острая, обжигающая вспышка злости на саму себя за глупое упрямство, из-за которого я не вскрыла внутренний конверт днем, когда Демид принес досье. Если бы я увидела фамилию Верещагина в три часа дня, я бы тут же аннулировала запись через администратора, сославшись на закрытие пятничной квоты, и мы бы никогда не оказались в одной комнате при таких обстоятельствах.

Второй мыслью был устав. Тот самый железный устав нашего клуба, который мы с Константином и Демидом написали восемь лет назад и которым я сама буквально хлестала Константина по лицу в этом самом кабинете, когда узнала о его связи с Алисой. Никаких пересечений с дневной жизнью. Никаких родственников, деловых партнеров, подрядчиков или людей, с которыми владельцы и управляющие клуба связаны за пределами особняка. Это правило было фундаментом нашей безопасности, тем единственным барьером, который не позволял внешнему миру просочиться внутрь. И сейчас, когда неизвестный фотограф с длиннофокусным объективом уже сидел на строительных лесах напротив нашей калитки, пускать в клуб главного архитектора девелоперского проекта Константина было не просто нарушением регламента, а чистым безумием.

Я медленно поднялась из-за стола, чувствуя, как внутри привычно смыкаются все защитные створки, отсекая растерянность и возвращая голосу ту холодную, безупречную ровность, которой я владела в совершенстве.

– Добрый вечер, Марк, – произнесла я тихо и четко, глядя ему прямо в глаза. – Боюсь, здесь произошла техническая накладка. Мне следовало проверить фамилию кандидата в закрытой части досье до того, как назначать встречу на одиннадцать.

Марк все еще стоял посреди кабинета, держа правую руку на верхней пуговице расстегнутого пальто. Я ждала, что сейчас он нахмурится, подберет жесткую линию челюсти и заговорит тем самым бескомпромиссным тоном хозяина положения, которым вчера на стройплощадке отчитывал своего инженера и спорил со мной. Ждала раздражения, привычного мужского самолюбия или попытки надавить через имя Глеба Соколова.

Ничего этого не произошло.

Он медленно опустил руку вдоль корпуса, обвел быстрым, внимательным взглядом книжные шкафы, темные ореховые панели, тяжелые серые портьеры и снова посмотрел на меня. В мягком янтарном свете настольной лампы его лицо выглядело совсем не так, как днем в переговорной башни «Федерация» или на стройке. Исчезла жесткая, собранная властность лидера, который привык держать в кулаке весь мир. Под серыми глазами залегли глубокие, почти сизые тени хронического недосыпа, у крыльев носа и в уголках рта пролегли резкие складки усталости, а широкие плечи под тяжелым мокрым кашемиром были чуть опущены, словно человек только что дотащил до порога неподъемный груз и у него впервые за много месяцев не осталось сил держать спину прямой.

– Понятно, – тихо сказал Марк, и в его низком, чуть хрипловатом голосе не прозвучало ни капли обиды или вызова, только глухая, ровная усталость. – Я не знал, что этот дом имеет отношение к вам, Ева. Глеб передал мне вчера закрытый конверт с номером телефона и адресом без названия, сказал только, что здесь работают люди, которые умеют держать слово. Если по вашим правилам я не могу здесь находиться из-за нашего проекта с Константином, я прямо сейчас развернусь и уйду. И в понедельник на объекте мы оба сделаем вид, что я вообще не знаю о существовании этого переулка.

Он произнес это без нажима, без попытки выторговать себе поблажку, уже начиная поворачиваться к двери. Никакой фальши, никакой игры на публику, ни единой попытки прикрыть собственную уязвимость привычной мужской бравадой.

Я смотрела на его спину в темном пальто и вдруг с пугающей ясностью увидела не заносчивого архитектора-перфекциониста, который называл мои правки паранойей дилетанта, а человека, стоящего на самом краю глухого нервного истощения. За время работы в «Бархате

и Пепле» я научилась безошибочно распознавать это состояние. Так выглядят люди, которые годами тащат на своих плечах чужие жизни, компании, семьи и многомиллионные обязательства, не позволяя себе ни минуты слабости, пока однажды у них просто не отказывает сердце или не срывает крышу посреди рабочего дня. Именно для таких людей мы когда-то создавали этот особняк, чтобы они могли оставить свой пепел за порогом и хотя бы на два часа перестать быть несущей стеной для всех вокруг.

Если я сейчас отпущу его за дверь, он сядет в машину, поедет в свой пустой дом или обратно в офис, снова откроет чертежи и не сомкнет глаз до утра. А в четверг на стройплощадке или через три недели на защите тендера в Швейцарии этот перетянутый канат внутри него просто лопнет.

Разум кричал, что я совершаю грубейшую профессиональную ошибку, нарушая собственное золотое правило ради человека, которого знаю всего несколько дней и с которым мне еще минимум полгода работать над объектом Константина. Но мой внутренний инстинкт человека, привыкшего брать ответственность за чужую безопасность, оказался сильнее инструкции.

– Подождите, Марк, – негромко сказала я, когда его рука уже легла на латунную ручку двери.

Он замер и обернулся через плечо, вопросительно приподняв бровь.

– По уставу клуба я действительно обязана отказать вам в постоянном членстве и аннулировать рекомендацию, – произнесла я ровно, тщательно взвешивая каждое слово, чтобы сразу очертить границы. – Наши дневные дела слишком тесно пересекаются, и я не имею права рисковать анонимностью этого дома. Но раз уж вы прошли первичную проверку безопасности и дошли до моего кабинета, я проведу с вами стандартное интервью. Считайте это разовой диагностикой без каких-либо обязательств с обеих сторон. Снимите пальто, повесьте его на стойку у двери и садитесь в кресло напротив.

Марк пару секунд смотрел на меня молча, словно проверяя, не кроется ли за этим предложением какая-то ловушка или скрытая издевка после вчерашнего спора на объекте. Потом коротко кивнул, снял тяжелое пальто, аккуратно повесил его на деревянные плечики у входа и прошел к глубокому кожаному креслу перед моим столом. Под пальто на нем была простая черная водолазка из тонкой мериносовой шерсти и темные брюки, без галстука и пиджака, и в этой простой одежде он казался еще крупнее и сдержаннее.

Он сел, положил крупные, сильные руки с длинными пальцами на подлокотники кресла и посмотрел на меня спокойно и прямо.

– Я слушаю, Ева.

Я тоже опустилась в свое кресло, взяла из стакана тяжелую перьевую ручку, открыла чистый бланк первичного протокола и откинулась на спинку, возвращая себе позицию управляющей, которая здесь задает вопросы и определяет правила игры.

– Начнем с простого, – сказала я, не сводя с него внимательного взгляда. – Что именно Глеб рассказал вам об этом месте перед тем, как отдать карту?

– Почти ничего, – честно ответил Марк. – Сказал, что это закрытый клуб эстетических и сенсорных практик для людей, у которых в обычной жизни слишком много власти и ответственности. Сказал, что на входе сдают телефоны, внутри не называют фамилий и должностей, все строится на строгом согласии и кодовых словах, а главное – здесь можно на два часа передать контроль другому человеку и перестать принимать решения.

– И вас эта формулировка не оттолкнула? – я слегка наклонила голову, наблюдая за тем, как шевельнулись желваки на его скулах. – Насколько я успела заметить за два дня нашего общения, Марк, вы из тех мужчин, которые привыкли проверять даже марку цемента у подрядчика и не доверяют собственный руль даже личному водителю. Зачем человеку с такой потребностью в тотальном контроле добровольно отдавать кому-то власть над собой?

Марк усмехнулся коротко и безрадостно, провел ладонью по подбородку и отвел взгляд в сторону темного камина.

– Именно поэтому, Ева. Потому что я не выпускаю этот руль из рук двенадцать лет, с двадцати четырех, когда погиб отец и мне пришлось вытаскивать его бюро из долгов и банкротства. С тех пор от каждого моего слова зависит, получат ли зарплату тридцать человек, устоит ли крыша над торговым центром и хватит ли денег на лечение матери и очередные капризы младшей сестры. У меня в голове круглосуточно работает калькулятор рисков, который не выключается даже во сне. Последний месяц я сплю по три-четыре часа, у меня в висках стоит непрерывный звон, а через три недели мне защищать главный международный контракт в Цюрихе. Мне не нужны ни секс, ни дешевые острые ощущения, ни чье-то восхищение. Мне нужно хотя бы на один вечер попасть в пространство, где мне запретят думать, решать и нести за кого-то ответственность.

Он снова посмотрел на меня прямо, без тени смущения или оправдания за собственные слова. В обычной жизни мужчины такого калибра скорее лягут под капельницу в закрытой клинике, чем признаются женщине в том, что больше не вывозят собственный темп. Марк сказал это так же сухо, точно и конкретно, как вчера читал строительные чертежи.

Я сделала короткую пометку на полях бланка, стараясь, чтобы лицо оставалось абсолютно бесстрастным, хотя внутри что-то едва заметно дрогнуло от этого спокойного признания. Я сама с шестнадцати лет знала, что такое тащить на себе чужие долги и чужую инфантильность, расплачиваясь за ошибки родителей собственным сном и правом на слабость. Только я выбрала другой способ выживания – выстроить вокруг себя такую высокую и глухую крепость, чтобы никто и никогда не смог подобраться достаточно близко и заставить меня потерять голову. А он много лет стоял под открытым небом, принимая на себя все удары за тех, кто прятался у него за спиной.

– Допустим, – ровно произнесла я. – Но в «Бархате и Пепле» передача контроля – это не массаж спины и не сеанс медитации под тихую музыку. Если вы входите в закрытую комнату с мастером или ведущей, вы подчиняетесь установленным правилам беспрекословно. Вы не спорите, не задаете вопросов о том, зачем это нужно, и не пытаетесь перехватить инициативу, даже если вам станет непривычно, тесно или дискомфортно. Единственный способ остановить процесс – произнести слово «нет» или кодовое слово «пепел». Вы уверены, что ваш характер не заставит вас через десять минут начать спорить с ведущим, как вы вчера спорили со мной из-за вентиляционных шахт и перекрытий?

В уголках серых глаз Марка впервые за весь вечер мелькнула слабая, почти неуловимая тень улыбки.

– Вчера я спорил с вами, потому что отвечал за конструктив здания своей подписью и головой, – тихо ответил он. – Здесь я ни за что не отвечаю. Если я сам пришел за тем, чтобы снять с плеч этот груз, у меня хватит ума не хватать за руки человека, который берет его на себя. Я умею держать слово, Ева. И умею подчиняться правилам, если сам на них согласился.

– А если вести эту сессию буду я? – спросила я прежде, чем успела остановить себя.

Вопрос повис в воздухе между нами неожиданно тяжело. Марк замер, его зрачки чуть расширились в полумраке кабинета, а взгляд стал пристальным и острым, словно он впервые по-настоящему осознал, кто именно сидит перед ним за этим ореховым столом.

Я сама не сразу поняла, зачем произнесла это вслух, но отступать было уже поздно, да я и не привыкла забирать свои слова назад. Логика в этом решении на самом деле была железной: если я передам Верещагина кому-то из наших приглашенных мастеров, я потеряю прямой контроль над ситуацией, а в условиях, когда за воротами особняка уже работает чужая камера, лишние свидетели мне были ни к чему. Если же я проведу его первую и единственную пробную сессию сама, я смогу гарантировать полную конфиденциальность, проверить его реаль-

ную реакцию на практику и закрыть этот вопрос сегодня же ночью, не нарушая приватность основного зала.

– Вы управляющая этого клуба? – негромко уточнил Марк, не отводя глаз от моего лица.

– Я управляющий партнер и один из основателей «Бархата и Пепла», – спокойно подтвердила я. – И в закрытых комнатах я работаю не как консультант по безопасности, Марк. Если вы остаетесь на сегодняшнюю сессию, все, что происходило вчера на стройплощадке и произойдет в понедельник в офисе Константина, остается за порогом этого кабинета. Внутри сессии я устанавливаю границы, темп и форму взаимодействия. Вы не обращаетесь ко мне по имени, не пытаетесь вести светские беседы и не ждете скидок на наше дневное знакомство. Если в любую секунду вы поймете, что это перебор или что вам некомфортно от того, что веду именно я, вы скажете «пепел», и на этом наше знакомство с клубом закончится навсегда. Вы принимаете эти условия?

Несколько долгих секунд Марк смотрел на меня не мигая. В его взгляде не было ни капли дешевого мужского азарта или пошлой двусмысленности, которой я всегда опасалась в новичках. Там читалось только глубокое, сосредоточенное внимание и тихое, почти физическое облегчение человека, которому наконец протянули твердую руку над краем обрыва.

– Принимаю, – ответил он низким, твердым голосом. – Полностью.

Я опустила взгляд на бланк, на секунду задержала перо над строкой допуска – там, где требовалась моя личная подпись управляющего партнера, – и все-таки поставила ровный, четкий росчерк в самом низу листа, сознательно нарушая то самое правило, которое сама охраняла восемь лет. Потом выписала временный гостевой пропуск без фамилии, с пометкой о прохождении индивидуального вводного курса, и протянула карточку через стол.

– Спуститесь вниз в гардеробную, администратор проводит вас, – сказала я, возвращая голосу прежнюю деловую четкость. – Сдадите телефон, часы и все личные вещи в индивидуальную ячейку, выпьете стакан воды в основном зале, чтобы переключиться с улицы, и через двадцать минут вас поднимут на второй этаж в седьмую комнату. Там мы и начнем.

Марк взял пластиковую карту, на мгновение наши пальцы едва коснулись друг друга над полированной столешницей – его кожа была сухой и горячей, моя прохладной. Он коротко кивнул, поднялся, забрал со стойки свое пальто и вышел из кабинета так же тихо, как вошел.

Когда за ним закрылась дубовая дверь, я еще полминуты сидела неподвижно, глядя на пустое кресло напротив и прислушиваясь к собственному пульсу. Я знала, что только что сделала шаг за красную линию, за которую никогда не заходила, но впервые за этот бесконечный, выматывающий день внутри меня вместо тревоги появилось странное, острое ощущение правильности происходящего.

Глава 4. Правило тишины *(Марк)*

Когда тяжелая дубовая дверь кабинета Евы закрылась у меня за спиной, я на пару секунд остановился на верхней площадке лестницы, прислонившись плечом к прохладной каменной стене. Сердце стучало ровно, но тяжело, а в голове стояла непривычная, звенящая тишина – такая бывает в пустом цеху сразу после того, как выключают все станки.

Еще полчаса назад, поднимаясь по ступеням этого особняка на Пречистенке, я был готов развернуться на полпути, решив, что поехал сюда исключительно от безысходности и глупого упрямства. А когда дверь кабинета отворилась и за ореховым столом я увидел Еву Соболеву в строгом графитовом платье, с гладким темным узлом волос и тем самым спокойным, цепким взглядом янтарных глаз, первой мыслью было немедленно извиниться и уйти, пока она не решила, что я выслеживаю ее после вчерашнего спора на объекте.

Но она не выгнала меня. И дело было даже не в том, что она поставила подпись на моем пропуске. Впервые за много лет рядом со мной оказался человек, который не стал ни восхищаться моими проектами, ни требовать от меня немедленных решений, ни жалеть меня за бессонницу. Она просто посмотрела сквозь всю мою дневную маску, увидела, насколько близко я подошел к пределу прочности, и спокойно взяла штурвал в свои руки.

Внизу меня уже ждал молодой администратор в строгом черном жилете и белой сорочке с запонками. Он говорил тихо, вежливо и без лишней суеты, словно тень, растворяющаяся в полумраке коридора. Мы прошли в небольшую гардеробную, отделанную темным деревом и матовым серым камнем.

– Пожалуйста, оставьте в этой ячейке мобильный телефон, умные часы, диктофоны, ключи с брелоками и любые предметы, которые могут отвлекать или нарушать приватность, – негромко произнес администратор, открывая передо мной узкий шкафчик, обитый изнутри плотным темным бархатом. – На время пребывания в клубе вы остаетесь здесь без имени, без должности и без связи с внешним миром.

Я достал из кармана оба рабочих телефона, выключил звук и положил их на бархатную полку. Следом снял с левого запястья тяжелые швейцарские часы, которые не снимал днем уже лет десять, и положил рядом с телефонами. Когда маленький латунный ключик повернулся в замке и лег ко мне в карман брюк, я машинально провел большим пальцем по полоске светлой кожи на запястье, оставшейся под ремешком. Странное, почти физическое чувство легкости пробежало по предплечью вверх к плечу: впервые за несколько месяцев никто не мог дозвониться до меня прямо сейчас, никто не мог прислать срочную правку по смете или потребовать закрыть чужую проблему.

Администратор проводил меня через двойные звукоизолирующие двери в основной лаунж-зал клуба и бесшумно отошел в сторону, оставив меня у края помещения.

Я ожидал увидеть что-то кричащее, тяжелое, с вульгарной позолотой и полуголыми официантками, как в большинстве закрытых московских заведений для богатых бездельников, но «Бархат и Пепел» оказался полной противоположностью. Просторный зал с высокими сводчатыми потолками был выдержан в глубоких, спокойных тонах: темный орех, матовый природный камень, тяжелые драпировки из винного бархата, мягкий золотисто-янтарный свет настенных бра, который не бил в глаза, а словно обволакивал пространство. В воздухе держался тонкий, сложный аромат кардамона, натурального пчелиного воска, дорогой кожи и хорошего выдержанного виски, а из скрытых акустических панелей лилась низкая, тягучая инструментальная музыка, больше похожая на ровное дыхание, чем на мелодию.

Людей в зале было немного – человек двадцать, не больше. В глубоких кожаных нишах тихо переговаривались несколько пар; у дальнего края стоял мужчина в темной рубашке с закатанными рукавами, лениво крутя в пальцах бокал с водой, а рядом с ним за низким сто-

ликом сидела женщина в шелковом платье, положив ладонь ему на колено. Никто не пялился на вошедшего, никто не повышал голоса, не размахивал руками и не пытался доказать окружающим свой статус. Здесь царило редкое, почти забытое в большом городе уважение к чужой тишине и чужим границам.

Я подошел к длинной барной стойке из массива ореха, сел на высокий кожаный табурет и попросил у бармена стакан холодной воды без газа со льдом. Пока я медленно пил воду, прислушиваясь к глухому, мерному ритму музыки, внутри постепенно начало отпускать тугой узел под солнечным сплетением, который не развязывался последние три недели. Здесь мне не нужно было никого защищать, никого спасать и ни за кем проверять расчеты.

Ровно через двадцать минут рядом с моим табуретом бесшумно возник тот же администратор.

– Ваша ведущая готова принять вас на втором этаже, – тихо сказал он. – Прошу за мной.

Мы поднялись по широкой лестнице, застеленной толстым темно-серым ковром, полностью гасившим звук шагов, и свернули в боковую галерею второго этажа. Администратор остановился перед высокой двустворчатой дверью с латунной табличкой, на которой была выгравирована только цифра семь, открыл ее, дождался, пока я войду внутрь, и мягко прикрыл створку за моей спиной.

Я огляделся. Комната была просторной, с высокими потолками, затянутыми по периметру тяжелыми складками винного бархата. Вдоль правой стены тянулись высокие панорамные зеркала в тонких рамах из темной бронзы, мягко отражавшие теплый янтарный свет настенных светильников. В центре стояла широкая низкая кушетка, обтянутая гладкой черной кожей, чуть дальше у погашенного камина – глубокое кресло для отдыха с высокой спинкой, а у стены на узком консольном столике лежали свернутая черная шелковая лента, тонкий стек в оплетке из мягкой темной кожи и стеклянный графин с водой.

Через полминуты боковая дверь в глубине комнаты открылась, и вошла Ева.

Она сменила туфли на невысокие мягкие ботильоны без каблука, и оттого двигалась по ковру совершенно бесшумно. Темно-графитовое шелковое платье с закрытым воротом и длинными рукавами подчеркивало ее прямую, безупречную осанку, гладкие темные волосы по-прежнему были собраны в тугой узел на затылке, а янтарные глаза смотрели на меня спокойно, ясно и предельно сосредоточенно. В этой комнате в ней не осталось ничего от уставшего консультанта со стройплощадки – здесь она была абсолютной хозяйкой пространства, человеком, который знает каждый миллиметр этой территории и не сомневается ни в одном своем движении.

Она остановилась в двух шагах передо мной, сложив руки перед собой, и заговорила негромким, бархатным голосом, в котором звучала спокойная, непререкаемая власть.

– Добро пожаловать в седьмую комнату. На ближайший час это пространство принадлежит мне, и здесь действуют только мои правила. Первое: ты не говоришь, если я не задаю тебе прямой вопрос. Второе: ты не двигаешься, не меняешь положение тела и не касаешься меня без прямого разрешения. Третье: ты оставляешь за этой дверью свое имя, свою работу, свои проекты и привычку все контролировать. Единственные слова, которые ты можешь произнести в любую секунду без разрешения, – это слово «нет» или кодовое слово «пепел». Любое из них останавливает сессию мгновенно, без вопросов и объяснений. Повтори их вслух, чтобы я слышала, что ты понимаешь правило.

Я смотрел в ее спокойные янтарные глаза, чувствуя, как от ее ровного, низкого голоса по спине проходит волна тяжелого, непривычного тепла, и ответил так же тихо и твердо:

– Слово «нет» или слово «пепел».

– Хорошо, – кивнула Ева, и в уголках ее губ мелькнула едва заметная тень одобрения. – Поставь ноги на ширине плеч в центре комнаты. Руки убери за спину и сцепи пальцы в замок.

Я встал ровно на указанное место на ковре, расставил ноги на ширину плеч и завел руки за спину, сцепляя пальцы. Поза была открытой, устойчивой, но полностью лишающей привычной возможности защититься или жестикулировать.

Ева подошла к консольному столику, взяла широкую полосу тяжелого черного шелка, подошла ко мне со спины и остановилась так близко, что я ощутил тепло ее тела и легкий, сухой аромат дорогого парфюма с нотами кедра и горького миндаля.

– Сейчас я завяжу тебе глаза, – негромко произнесла она прямо у моего правого уха, и от этого тихого шепота у меня в груди резко сбилось дыхание. – Не пытайся щуриться и не напрягай шею. Просто позволь темноте забрать лишнее.

Прохладный, гладкий шелк лег на мои веки, мягко прижал ресницы и плотно закрыл обзор. Ева затянула узел на затылке ровно настолько туго, чтобы лента не сползала, но не давила на виски, и мир вокруг меня в одну секунду сократился до абсолютной, бархатной темноты.

В первое мгновение сработал старый, вбитый в кости рефлекс: пятнадцать лет я привык видеть каждый угол помещения, держать в поле зрения людей, чертежи и выходы, и внезапная потеря зрения толкнула в кровь короткий, острый выброс адреналина. Пальцы за спиной непроизвольно сжались в замок, мышцы плеч и спины напряглись как стальные тросы, готовые к рывку.

– Не спеши с выводами, – раздался спокойный, размеренный голос Евы откуда-то слева, шагах в двух от меня. Она явно видела малейшее напряжение моих мышц. – Ты в полной безопасности. Здесь не нужно ни за чем следить и не нужно ничего предугадывать. Опусти плечи. Разожми пальцы за спиной, пусть кисти лежат свободно. Сделай медленный вдох на четыре счета через нос и такой же медленный выдох через рот. Я буду считать: один, два, три, четыре, а теперь плавный выдох.

Я послушался. На третьем таком вдохе колотящийся в висках пульс начал заметно замедляться, а слепота вдруг перестала пугать. Наоборот – вместе с темнотой из головы впервые за много недель ушел весь визуальный шум: белые листы с расчетами, красные пометки на чертежах, мигающие экраны мониторов, серый февральский снег за окном. Остались только звуки, температура воздуха и ее голос, который вел меня точно и уверенно, не оставляя места для собственных мыслей.

Я услышал тихий шорох ее шелкового платья – Ева медленно обходила меня по кругу. Без зрения слух и кожа обострились до предела: я кожей чувствовал, в какой именно точке за моей спиной или сбоку она находится, улавливал легкое движение воздуха от ее шагов.

Внезапно к моему подбородку снизу прикоснулось что-то прохладное, гладкое и упругое – тонкий стек в кожаной оплетке. Легкое, но властное давление заставило меня приподнять голову выше, вытягивая шею.

– Держи голову ровно, – негромко сказала Ева, стоя теперь прямо передо мной. – Ты привык смотреть вниз, на столы, на бумаги и на людей, которых тащишь на себе. Здесь тебе не на кого смотреть. Дыши глубже и ровнее.

Кончик стека медленно скользнул от подбородка вниз по линии горла, поверх тонкой черной шерсти водолазки, остановился в ямке между ключицами и надавил чуть сильнее, заставляя меня подать грудную клетку вперед и расправить затекшие лопатки. Затем гладкая кожаная оплетка прошла по левому плечу, спустилась по обнаженному до локтя предплечью, чуть задев чувствительную кожу на внутренней стороне сгиба, отчего по руке пробежала мгновенная, острая дрожь, и вернулась обратно к плечу.

– Плечи все еще каменные, – отметила она тихо, без осуждения, констатируя факт так же спокойно, как днем называла погрешности в проектной документации. – Ты держишь их так, будто на них лежит бетонная балка. Сбрось ее прямо сейчас.

Вместо стека моих плеч коснулись ее ладони. Теплые, сильные, с длинными уверенными пальцами, они легли прямо на трапециевидные мышцы по обе стороны от шеи и с силой, почти на грани приятной боли, надавили вниз. Я глухо выдохнул сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как под ее пальцами начинают с хрустом расходиться старые, спрессованные за месяцы бессонницы мышечные зажимы. Ева не спешила: она медленно разминала основание шеи, большим пальцем провела по затылочной впадине прямо под узлом шелковой ленты, и от этого точного, выверенного прикосновения у меня перехватило горло.

Никто и никогда не прикасался ко мне так – без суеты, без ожидания ответной ласки, без попытки что-то получить взамен. В ее руках не было ни жалости, ни женского кокетства, только спокойная, безупречная сила человека, который точно знает, что делает, и берет на себя весь контроль без остатка.

– Вот так гораздо лучше, – шепнула она так тихо, что это прозвучало скорее как выдох рядом с моим виском. – Не думай ни о чем. Просто стой и слушай свое дыхание.

Она снова отошла на шаг, и следующие полчаса превратились в странный, гипнотический танец, в котором у меня не было ни единого права выбора, и именно это отсутствие выбора дарило почти забытое, головокружительное облегчение. Ева управляла каждым моим движением: легким касанием стека под коленом заставляла перенести вес с одной ноги на другую, коротким прикосновением пальцев к пояснице – выпрямить спину, низким, спокойным голосом – замедлять дыхание каждый раз, когда мое сознание по старой привычке пыталось вернуться к незаконченным расчетам по цюрихскому тендеру. Стоило мне хоть на секунду напрячь челюсти или сжать пальцы за спиной, как ее ладонь тут же ложилась мне на скулу или легкий, точный шлепок стека по бедру возвращал меня обратно в тело, в темноту и тишину этой комнаты.

Постепенно постоянный, выматывающий звон в висках начал стихать, словно кто-то медленно выкручивал регулятор громкости на ноль. Ноги приятно налились тяжестью, дыхание стало глубоким и ровным, а в груди разлилось спокойное, плотное тепло, которого я не испытывал, кажется, с тех самых пор, как был еще студентом и не знал, что такое ответственность за чужие жизни.

– На сегодня этого достаточно, – негромко произнесла Ева, подходя ко мне со спины. Ее ладони легли мне на плечи, мягко направляя назад. – Сделай три шага назад. За тобой стоит кресло, можешь садиться.

Я сделал три шага, почувствовал под коленями край мягкой кожи и опустился в глубокое кресло для отдыха, откинув голову на высокую спинку. Ева наклонилась надо мной, аккуратно развязала узел на затылке и медленно сняла черную шелковую ленту с моих глаз.

Я пару раз моргнул, привыкая к мягкому, рассеянному янтарному свету светильников. Комната оставалась все такой же тихой, пахнущей воском и бархатом. Ева стояла рядом, уже отложив стек на консоль, и протягивала мне тяжелый стеклянный стакан с прохладной водой.

– Выпей воду медленно, – сказала она тем же ровным, спокойным голосом, но теперь в нем звучала не властность ведущей, а тихая, ровная забота. – После сенсорной депривации организму нужно немного времени, чтобы вернуться в обычный ритм.

Я взял стакан – пальцы были совершенно спокойными, ни малейшей дрожи, – сделал несколько глотков и поставил его на низкий столик рядом с креслом. В голове было удивительно пусто и чисто, словно после сильной грозы над рекой, когда весь тяжелый, душный воздух наконец уходит, оставляя только прохладу и покой.

Ева придвинула к моему креслу невысокий бархатный пуф, села рядом и положила прохладную ладонь мне на висок, легко проведя пальцами по волосам у основания шеи. Это простое, неторопливое прикосновение оказалось последней каплей, окончательно снявшей остатки многомесячного напряжения. Веки налились такой тяжелой, непреодолимой дремотой, какой я не чувствовал уже много лет.

Не отдавая себе отчета в том, что делаю, и даже не спрашивая разрешения, я подался вперед, положил голову ей на колени, прижавшись щекой к мягкому, прохладному шелку ее платья, и закрыл глаза.

Ева на секунду замерла, а потом ее рука снова легла мне на затылок, и тонкие пальцы медленно, размеренно заскользили по моим волосам.

И в ту же минуту я провалился в глубокий, ровный, совершенно черный сон без сновидений – впервые за долгие годы отпустив весь мир и позволив кому-то другому тихо посидеть на страже рядом со мной.

Глава 5. Побочный эффект *(Ева)*

В половине восьмого утра, в понедельник за высокими арочными окнами моего кабинета на Пречистенке стояли плотные серо-синие сумерки, больше похожие на затянувшийся вечер, чем на начало рабочего дня. Черные, голые ветви старых лип во внутреннем дворе блестели от мелкой ледяной мороси, по медным отливам подоконников глухо стучали редкие тяжелые капли, а в воздухе кабинета держался сложный запах остывшего черного чая, сухого дерева и едва уловимого шлейфа кедра с горьким табаком, который за ночь так до конца и не выветрился из плотной ткани моего платья.

Я сидела за большим столом из темного мореного ореха с прямой, натянутой как струна спиной, смотрела на пустое кожаное кресло напротив и испытывала к самой себе глухую, холодную злость.

Восемь лет. Ровно столько прошло с того промозглого ноябрьского вечера, когда мы с Константином и Демидом впервые открыли двери отреставрированного особняка, подписали внутренний устав и поклялись друг другу, что ни один из нас никогда не смешает закрытую жизнь клуба с делами внешнего мира. Восемь лет это правило работало безотказно, пережив и внеплановые проверки налоговой, и попытки деловых конкурентов Константина нащупать его слабые места, и даже ту безумную осень два года назад, когда сам Константин потерял голову из-за Алисы и едва не поставил под удар нашу анонимность. Тогда я стояла в этом самом кабинете с непроницаемым лицом и требовала от него безупречной дисциплины, напоминая, что устав написан не ради красивых слов на бумаге, а ради выживания всех, кто переступает наш порог.

А в пятницу ночью я перечеркнула собственный принцип одним росчерком пера. И дело было даже не в том, что я поставила подпись на временном пропуске в седьмую комнату, ведь при желании этот шаг еще можно было оправдать необходимостью лично проверить человека, за которого поручился наш давний резидент Глеб Соколов. Куда хуже было то, что произошло в самом конце сессии, когда черная шелковая лента уже лежала на консольном столике, а напольные часы у книжного шкафа отсчитывали первый час ночи.

Стоило на секунду прикрыть глаза, и я снова ощущала под пальцами густые, чуть жесткие темные волосы Марка Верещагина с сединой на висках, чувствовала сухое тепло его щеки через тонкий шелк платья на своих коленях и слышала его ровное, глубокое, спокойное дыхание. Целых сорок минут я сидела на низком бархатном пуфе рядом с креслом для восстановления, боясь лишний раз пошевелиться, чтобы не разбудить мужчину, которого еще днем раньше готова была разнести в пух и прах за высокомерие на стройплощадке. Сорок минут я держала ладонь у него на затылке, медленно перебирая пряди волос, и смотрела, как с его жесткого, упрямого лица постепенно сходят глубокие складки хронического перенапряжения. Когда он наконец открыл глаза, тихо поблагодарил меня без единого лишнего вопроса и спустился вниз в сопровождении администратора, я еще четверть часа просидела в пустой седьмой комнате, глядя на свои ладони так, словно они принадлежали совсем другой женщине.

Я резко отодвинула от себя фарфоровую чашку с остывшим чаем, открыла верхний ящик стола и достала рабочий ежедневник в темном кожаном переплете. Пора прекращать этот бессмысленный самоанализ. То, что случилось в пятницу ночью, было обычным разовым сбоем, следствием двух бессонных суток и элементарной профессиональной реакции на человека, который слишком долго тащил на себе неподъемный груз. В базе клуба у Марка нет постоянного членства, его временный гостевой код автоматически закрылся сразу после того, как за ним захлопнулась тяжелая створка боковой калитки, а на объекте Константина мы будем общаться исключительно в рамках строительной и проектной документации. Никаких продолжений, никаких намеков и тем более никакой личной вовлеченности.

В дубовую дверь кабинета дважды негромко постучали, и на пороге появился Демид с двумя высокими бумажными стаканами кофе из соседней кофейни и тонкой картонной папкой под мышкой. Выглядел он чуть свежее, чем вчера утром, но в его темных, внимательных глазах по-прежнему читалась настороженность человека, который привык ждать удара с любой стороны.

– Доброе утро, Ева, – сказал Демид, ставя передо мной горячий стакан с пластиковой крышкой и опускаясь в то самое кожаное кресло напротив стола. – Ты сегодня поднялась раньше обычного. Я думал, после ночной смены ты хотя бы до девяти утра дашь себе отдохнуть.

– У меня в половине одиннадцатого планерка в Сити у Константина, нужно успеть просмотреть обновленные чертежи по вентиляции, которые бюро Верещагина прислало вчера вечером, – ровно ответила я, снимая крышку со стакана и вдыхая горьковатый аромат свежемолотых зерен. – Как прошла ночь по внешнему периметру?

– Без единого происшествия, – Демид раскрыл папку и положил передо мной распечатку с уличных камер наблюдения. – Олег всю ночь менял интервалы подачи машин к боковой калитке и пускал пеший патруль по переулку за десять минут до приезда каждого гостя. На строительных лесах доходного дома напротив никто не появлялся, мои люди дежурили в подъезде до четырех утра. По бывшему электрику субподрядчика я подключил старых знакомых из службы безопасности банка, к обеду обещали прислать выписку по его последним переводам перед закрытием счета. Думаю, к завтрашнему вечеру мы поймем, кто именно заплатил ему за информацию о графике работы особняка.

– Отличная работа, – кивнула я, делая осторожный глоток обжигающего кофе. – Пока не найдем заказчика этой съемки, режим тихой тревоги не снимаем. Прием новых кандидатов на ближайшие две недели тоже полностью закрываем, даже по рекомендациям наших старых резидентов.

Демид внимательно посмотрел на меня поверх своего стакана и чуть прищурился, уловив что-то в моем голосе.

– Кстати о рекомендациях от старых резидентов. В пятницу вечером в списке на одиннадцать у тебя стоял кандидат от Глеба Соколова. Я заглянул в закрытую базу утром, а там стоит отметка об отказе в постоянном членстве из-за пересечения с дневными делами. Кто это был?

Внутри на секунду неприятно кольнуло, но ни один мускул на моем лице не дрогнул. За восемь лет совместной работы мы с Демидом никогда не лгали друг другу в вопросах безопасности, и мне было противно от самой необходимости недоговаривать, но назвать сейчас фамилию главного архитектора Константина значило запустить целую волну лишних расспросов и подозрений, на которые у меня не было ни времени, ни морального права.

– Один из подрядчиков строительного холдинга, – спокойно ответила я, перелистывая страницу ежедневника и делая вид, что сверяю расписание на неделю. – Я не вскрывала внутренний конверт до начала интервью, а когда он вошел в кабинет, сразу стало ясно, что по нашему уставу мы не можем принять его в резиденты. Поговорили десять минут, я объяснила причину отказа, и он ушел. Глебу я днем отправлю короткое сообщение, что его карта-рекомендация не сгорела и при случае он сможет передать ее другому человеку.

Демид медленно кивнул, удовлетворенный объяснением, и поднялся из кресла, забирая со стола свой пустой стакан.

– Разумное решение, сейчас точно не время тащить в дом людей со стороны. Если что-то срочное всплывет по банковским проводкам электрика, я сразу наберу тебя, даже если ты будешь сидеть на совещании.

Когда за ним закрылась дверь, я еще раз проверила содержимое кожаной папки, убрала туда планшет и небольшой черный блокнот в мягкой кожаной обложке, куда обычно записывала от руки замечания по охране и техническим помещениям, надела строгое темно-синее шерстяное пальто и спустилась к машине, уже ждавшей меня у бокового выхода.

Всю дорогу до Пресненской набережной за стеклом такси моросил мелкий, колючий дождь, превращая мокрый асфальт в темное, маслянистое зеркало. Я смотрела на серые пролеты мостов и на проплывающие мимо витрины, старательно настраивая себя на рабочий лад и мысленно выстраивая глухую стену между ночным особняком на Пречистенке и стеклянной башней «Федерация». В стенах «Бархата и Пепла» Марк Верещагин был вымотанным до предела мужчиной, который добровольно позволил завязать себе глаза черной шелковой лентой и передал мне право управлять каждым своим вдохом. Но здесь, в жесткой деловой Москве, он оставался бескомпромиссным архитектором-перфекционистом, привыкшим ломать чужие аргументы через колено. И мне нужно было быть готовой к тому, что сегодня он либо начнет вести себя с покровительственной усмешкой человека, знающего мою тайну, либо, наоборот, станет еще резче и агрессивнее, пытаясь отыграться за вчерашнюю минуту собственной уязвимости.

Я ошиблась в обоих предположениях.

Когда в десять двадцать семь я вошла в знакомую переговорную на сорок втором этаже, за длинным столом из светлого дуба уже сидели Константин, руководитель проекта Павел, ведущий инженер Никита и сам Марк.

Я на долю секунды задержала взгляд на Верещагине, пока здоровалась с Константином и занимала свое привычное место по правую руку от него, и внутри у меня против воли что-то сбилось с ровного, отлаженного ритма. На Марке был темный шерстяной пиджак свободного кроя поверх простой серой сорочки без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей. Исчезли сизые, изможденные тени под глазами, которые я видела в моем кабинете; кожа на скулах разгладилась, взгляд серых глаз стал ясным, спокойным и собранным, а в широких плечах появилась уверенная, тяжелая устойчивость, какая бывает у человека, который впервые за долгие месяцы по-настоящему выспался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.